

ИДЕНТИЧНОСТЬ ДИАСПОР В ПОГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Оркени А., Секельи М.

Оркени Антал, Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия,
H-1117 Будапешт, Pázmány Péter sétány 1/A. Эл. почта: orkeny@tatk.elte.hu.

Секельи Мария, Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия,
H-1117 Будапешт, Pázmány Péter sétány 1/A. Эл. почта: szekelyi@tatk.elte.hu.

Представленная работа основана на эмпирическом социологическом исследовании различных аспектов принадлежности людей к диаспоре и их этнической и национальной идентичности в пограничных областях Восточной Европы. Рассмотрены группы из этнических меньшинств в восьми странах, которые находятся на фронтире Центральной и Восточной Европы. Показано, как этнические меньшинства относятся к своему статусу в принимающей стране, если их родная страна служит местом жительства этнического меньшинства того же происхождения, что и большинство принимающей страны. Анализ воссоздает образ этнического меньшинства на социальном уровне. Смоделированы личная и коллективная идентичность в качестве фонда знаний, основанных на когнитивных и аффективных компонентах, и протестировали их в разных этнических диадах. Проанализированы способность последующих поколений передавать паттерны этнической идентичности внутри семьи, а также роль, которую играют использование языка и круг общения человека в сохранении личной этнической идентичности.

Ключевые слова: этническая идентичность, пограничная область, диаспора, Восточная Европа, этническая диада, национальное сознание.

Введение и рассматриваемые вопросы

Представленная работа основана на эмпирическом исследовании различных аспектов принадлежности людей к диаспорам и социально-психологических характеристик их этнической и национальной идентичности в приграничных областях Европы. Анализ пограничной этнической идентичности может осуществляться исследователями с нескольких точек зрения. Во-первых, к изучению фонда знаний об этнической и национальной идентичности можно подходить с позиции различных исторических, политических и культурных аспектов, во-вторых, он может рассматриваться в рамках политических и интеллектуальных процессов, во время которых происходит формирование и изменение этих знаний, а также трансформация, переписывание и преобразование разными субъектами полотна знаний. В-третьих,

эти знаний проявляются в этнических и национальных символах, объектах, текстах и событиях (Geró, 2006). Наконец, мы можем попытаться раскрыть компоненты идентичности и механизмы идентификации, которые обнаруживаются в повседневной жизни, и проанализировать, как они меняются с течением времени, что очень важно для этого исследования. Поэтому тематикой данного исследования является диаспора, или этническое меньшинство, не как сформировавшееся исторически сообщество или интеллектуальная хроника, или культурная традиция, а как сообщество членов, обычных людей. Целью данного подхода является воссоздание представлений об этническом меньшинстве, которые складываются из ежедневных наблюдений, установок и оценочных суждений в уме индивидуума, а также представлений, собранных в целостную идентичность в качестве некоторого коллективного фонда знаний на социальном уровне (Vrubaker et al, 2004).

Исследование повседневных социально-психологических черт национального сознания и этнической идентичности предполагает использование модели, которая была разработана Д. Чепели на основе его обзоров в 1980-х и 1990-х гг. (Csepeli, 2000). Вариант этой модели также рассматривается в анализе Х. Деккера (Dekker, 2003). Эти модели в сущности описывают идентичность как фонд знаний о когнитивных и аффективных компонентах, которые создают целостную структуру из иерархии тесно связанных частей. Первичным уровнем этнической, или национальной, принадлежности является спонтанная эмоциональная идентификация, которая создает ощущение общности с группой, определяемой членами нации. На этой эмоциональной основе формируются различные установки, побуждения, ценности и идеологии, которые конструируют идентичность. Нация как совокупность членов социальной или этнической группы получает ориентиры и информационное наполнение, которые обеспечивают развитие индивидуальных рамок психологической идентификации от инстинктивной и до осознанной формы с помощью различных категоризаций, атрибуций, стереотипов, а также этноцентризма и национализма.

Это исследование максимально приближено к структуре модели Деккера — Чепели. Нашим главным вопросом является определение факторов, которые влияют на выбор стратегий ассимиляции этнических диаспор: продолжает, прерывает или повторяет индивид многосюжетную историю, в результате чего он определяет себя как член той или иной этнической группы, или, напротив, эмоциональные и аффективные компоненты играют в этом решающую роль. Главная выдвигаемая нами гипотеза состоит в том, что в случае этнических диаспор на этническую идентичность влияют не только когнитивные и аффективные механизмы, но также моменты жизненного пути. Мы предполагаем, что эти два фактора определяют выбор между стратегиями ассимиляции и интеграции (Csepeli, Örkény, Székelyi, 2000).

Исследование этнического происхождения предков респондентов показывает, что этноистория семьи содержит противоречивые тенденции, которые зарождаются на основе процесса этнической гомогенизации, присущего для развития национального государства, а также несут в себе следы напряженности ассимиляции и диссимиляции. Нам необходимо ответить на следующие вопросы: в какой мере последующие поколения способны передавать паттерны этнической гомогенности внутри семьи, и если не способны, то когда нарушается паттерн и как он замещается гетерогенностью (Sanders, 2002).

Поскольку мы спрашивали респондентов, из каких национальных и этнических групп они выбирают супругов, мы также можем продемонстрировать текущие паттерны этнической гомогенности или гетерогенности внутри семьи. Брак играет, очевидно, ключевую роль в стратегии выживания этнической диаспоры в позиции меньшинства. Лингвистическая толерантность оказывает значительное влияние на отношения между этническим меньшинством и большинством, которое считается государствообразующей нацией.

Лингвистическая гомогенизация заложена в программе национальной гомогенизации, что представляет значительную сложность для членов группы, стремящихся сохранить использование языка меньшинства. Они могут устранить сложность, только если они начинают говорить на языке, который считается официальным языком государства, т.е. языком большинства (Eriksen, 1992). Не только практика использования языка, но и этническая гомогенность или гетерогенность личного круга общения играет важную роль в сохранении или ограничении личной этнической идентичности. Этнический состав ближайшего окружения может сильно повлиять на построение идентичности и самоидентификацию (Brubaker, 2004).

Для обоснования нашей главной гипотезы мы сначала рассматриваем личную историю идентичности и демонстрируем, чем определенные диаспоры похожи и чем отличаются друг от друга в процессе конструирования их собственных этнических идентичностей. Сначала мы рассмотрим, как конструируется личная идентичность людей, потом обратимся к моментам жизненного пути, повлиявшим на конструирование личной идентичности (такие, как этнические корни семьи и происхождение, образование и родной язык, используемый для коммуникации язык, этнический состав семейных пар и этнический состав социальной сети). На следующем этапе мы вводим некоторые когнитивные элементы структуры (такие, как спонтанная эмоциональная идентификация и чувство гордости за свою этническую диаспору, социальная дистанция и доверительные отношения со своей группой и другими), которые являются частью построения идентичности. В заключительной части мы рассматриваем характеристики стратегий интеграции–ассимиляции диаспоры и пытаемся описать систему категорий, которая стоит за этими стратегиями, на основе которых члены диаспоры строят свою национальную идентичность.

Методология

В эмпирической социологии часто обсуждается вопрос, кого считать членом определенной группы (этнической, религиозной и т.д.): тех, кто причисляет себя к ней, или тех, кто считается членом группы теми, кто к группе не принадлежат. Этот вопрос не затрагивался в международном исследовании, проведенном в восьми странах¹ в 2010 г. Исследование было спроектировано таким образом, что в качестве индикатора принадлежности к группе рассматривалась только самоидентификация респондентов, а мнение внешних субъектов во внимание не принималось. Тем не менее в исследовании проводился анализ на разных уровнях, так как наличие респондентов из меньшинств в восьми странах позволило создать диады. Например, мы смогли сравнить словаков, живущих в Венгрии, с венграми, живущими в Словакии, и, таким образом, проанализировать, как каждая из этих стран «относится» к этнической группе, чья родина является местом жительства меньшинства, принадлежащего к этническому большинству другой и проживающего в отрыве от него. Мы смогли рассмотреть, как данные страны воспринимаются меньшинством, которое живет в них. Предположим, совпадает ли опыт проживания в Украине у поляков и белорусов? Мы можем пойти дальше и задать вопрос, в какой стране жить данным меньшинствам легче. К примеру, лучше ли относятся к польскому меньшинству в Украине или в Белоруссии? Объединяя другие международные исследования, мы изучаем положение данных меньшинств, сравнивая их установки с установками большинства в принимающей их стране.

В нашем анализе задействованы 4 диады, состоящие из восьми групп этнических меньшинств², а именно:

1. Русские в Литве — литовцы в России.
2. Поляки в Украине — украинцы в Польше.
3. Белорусы в Польше — поляки в Белоруссии.
4. Словаки в Венгрии — венгры в Словакии.

Выборка является представительной для всех членов, принадлежащих к группе этнического меньшинства, от 18 лет или старше. Размер выборки этнических групп в данных стран составлял от 400 до 800 респондентов³.

¹ Странами, в которых проводилось исследование, являются Белоруссия, Польша, Латвия, Литва, Венгрия, Россия, Словакия и Украина.

² Размер выборки составил от 400 до 800 представителей этнической группы в каждой из рассматриваемых стран. В целях последующей интерпретации различий между группами, с тем, чтобы разработанные комплексные показатели имели равный вес во всех группах, мы «изменили» размер выборки во всех этнических группах. Для этого мы прибегли к простому перевзвешиванию.

³ Сбор данных осуществлялся на основе личного интервью на шести языках, стандартный социологический опросник для определения взглядов и когнитивных аспектов состоял из 60 четко сформулированных закрытых вопросов.

Результаты

1. Личная этническая идентичность

Для ощущения принадлежности к группе или развития этнической идентичности необходимо, чтобы индивид имел связь со своей (этнической) группой. Сам факт рождения в юридическом смысле делает очевидной принадлежность к группе, в психологическом же смысле необходимо наличие «наполнения» и укрепление идентичности эмоциональным и когнитивным содержанием. Однако для диаспоры ситуация не так проста. В Восточной Европе государственные границы не раз менялись. Следовательно, факт рождения на территории одной страны не гарантирует того, что индивид останется гражданином этой страны, даже если он не поменяет места жительства ни разу в жизни. Этот парадокс подчеркивает значение роли эмоциональных и когнитивных компонентов в развитии этнической идентичности. Мы не изучали вопрос о том, какие факторы имеют определяющую функцию в решении индивида продолжить, завершить или вновь начать многосюжетную историю, через которую он/она относит себя к членам диаспоры. История диаспоры — и внутри нее истории ее индивидуальных членов — относится к противоречивым акцентам ассимиляции и диссимиляции процесса национальной гомогенизации, присущего развитию национального государства.

Основным вопросом является, считают ли члены данной группы меньшинства себя принадлежащими к принимающей стране или к родине. Дает ли диаспора в стране проживания базу для создания идентичности или такие индивиды отделяют себя от большинства на основании происхождения?

При самоидентификации респонденты главным образом выбирали «этническое меньшинство», что означает принадлежность к диаспоре в их принимающей стране. Особенно венгры в Словакии и поляки в Украине (почти 70% в обеих группах) выбрали принадлежность к диаспоре в качестве основания их идентичности. На втором месте по распространенности был вариант принадлежности к большинству, хотя значительными были показатели и противоположного варианта (принадлежность к национальности этнически родной страны). Так видят себя белорусы в Польше (60%), а также значительная часть литовцев в России (почти 40%). По сравнению с другими группами русские в Литве и поляки в Белоруссии показали относительно высокую часть (более 20%) членов, которые определяют свою принадлежность к родной стране. Полное слияние с населением принимающей страны достаточно редко. Только среди словаков, живущих в Венгрии, респондентов, выбравших этот вариант, было более 10% (табл. 1). Варианты, предложенные для определения этнической идентичности: от строгой принадлежности к исходной этнической группе до полного включения в общественное большинство — можно рассматривать как стадии процесса ассимиляции. В этом смысле словаки, живущие в Венгрии, и белорусы, живущие в Польше, могут считаться самыми ассимилированными

Таблица 1

Этнический статус, основанный на самоидентификации по отношению к меньшинству, %

Диады	Принадлежность к национальности этнически родной стране	Диаспора	Смешанная принадлежность к национальности принимающей страны и к этнически родной стране	Принадлежность к национальности принимающей страны	Итого
Русские в ЛИТВЕ	22,6	61,7	<i>14,5</i>	1,2	100,0
Литовцы в РОССИИ	7,6	49,5	38,6	4,3	100,0
Поляки в УКРАИНЕ	11,8	68,4	19,8	—	100,0
Украины в ПОЛЬШЕ	15,5	65,9	17,3	1,3	100,0
Белорусы в ПОЛЬШЕ	2,5	36,6	59,3	1,5	100,0
Поляки в БЕЛОРУССИИ	21,5	60,5	18,0	—	100,0
Словаки в ВЕНГРИИ	—	65,8	21,9	12,2	100,0
Венгры в СЛОВАКИИ	16,4	69,0	13,4	1,3	100,0

Примечание. В таблице жирным шрифтом выделены значения выше средних, а курсивом выделены значения ниже средних.

меньшинствами, в том время как русские в Литве, поляки в Белоруссии и венгры в Словакии являются меньшинствами, которые сохранили свою идентичность.

2. Моменты жизненного пути как основание идентичности

Если родители индивидуума принадлежат к этническому меньшинству, но он родился в принимающей стране, есть вероятность, что он будет чувствовать принадлежность к стране проживания. Вероятность возрастает, если (по крайней мере)⁴ один из родителей является членом большинства.

Сначала рассмотрим этнические корни респондентов: вырастили ли их родители, состоящие в смешанном браке, принадлежат ли оба родителя к этническому меньшинству.

Можно сделать вывод, что во всех этнических меньшинствах родители предпочитают супруга из их собственной этнической группы. Большинство родителей респондентов родились в родной стране, но стали гражданами принимающей страны, причем причиной стала не смена места жительства, а изменение государственных границ. Количество гомогенных браков родителей увеличится, если мы включим те случаи, когда оба родителя являются членами

⁴ Есть случаи, в которых родители респондентов считались принадлежащими к группе большинства в «принимающем» обществе, а ребенок тяготеет к идентичности своих прародителей (бабушек и дедушек) и с этой точки зрения позиционирует себя ближе к диаспоре или стране происхождения последних.

Таблица 2

Этническая принадлежность родителей, %

Диады	Из принимающей страны	Принимающая и родная страна или диаспора	Родная страна или диаспора и третья этническая группа	Родная страна или диаспора	Родная страна	Итого
Русские в ЛИТВЕ		13,8	20,5	10,5	54,9	100,0
Литовцы в РОССИИ	4,5	26,1	8,7	2,6	58,0	100,0
Поляки в УКРАИНЕ	1,2	30,8	2,1	2,4	63,4	100,0
Украины в ПОЛЬШЕ	1,7	7,3	2,9	33,7	54,4	100,0
Белорусы в ПОЛЬШЕ	1,1	4,6	1,7	80,8	11,7	100,0
Поляки в БЕЛОРУССИИ		15,7	4,0	29,7	50,6	100,0
Словаки в ВЕНГРИИ	6,1	11,9	1,9	71,6	8,5	100,0
Венгры в СЛОВАКИИ	1,0	14,5	2,8	17,6	64,0	100,0

диаспоры. Этнически смешанные браки были редки среди поколения родителей, хотя они появляются немного чаще среди поляков на Украине и литовцев в России (табл. 2).

Родители большинства *русско-литовской* диады (55% и 58% соответственно) выбирают партнеров из родной страны. Родители литовского меньшинства часто жили в этнически смешанных браках (например, выбирали русского супруга/супругу). Число литовских респондентов, у которых двое русских родителей, выше среднего. Этот парадокс можно объяснить тем, что во времена Советского Союза существовало меньше возможностей для официального и точного представления этнической идентичности. Конечно, возможно, этот феномен отражает первые признаки пробуждения чувства принадлежности к нации у литовцев. Мы рассмотрим этот момент далее. Русские, живущие в среде этнического меньшинства, часто растут в семьях, где один из родителей является русским, а другой из еще одной (не литовской) этнической группы. Понять это явление можно, вновь вернувшись к тому, что Советский Союз выступал как огромный «плавильный котел».

В случае *польско-украинской* диады большинство родителей выбирают супругов из своей этнической группы (83% и 54% соответственно). Польские родители сравнительно часто отказываются от этнической гомогенности (31%) и выбирают супругов из украинцев. Закрытие границ привело к тому, что в поколении родителей было мало браков между членами диаспоры и гражданами родной страны.

В *польско-белорусской* диаде родители-белорусы вступали в браки почти исключительно с членами своей этнической группы (93%), при этом более

80% родителей польских респондентов жили в этнически-гомогенных браках. Родители поляков, живущих в Украине, чаще вступали в смешанные браки, чем родители украинцев, составляющих второй элемент диады.

И наконец, в *словацко-венгерской* диаде также подавляющее большинство родителей жили в гомогенных браках (80%). При этом в браках родителей словаков часто один родитель был членом диаспоры, а второй — из родной страны, а большинство венгерских браков заключалось между членами диаспоры⁵. Пропорция словацко-венгерских смешанных браков не отличалась от среднего для других этнических групп (12% и 15%). Также среди словаков и венгров мы отметили тенденцию, похожую на русских в Литве: в то время как родители считают себя частью этнического большинства принимающей страны, сами респонденты считали себя частью меньшинства. Мы позже вернемся к вопросу укрепления этнической самоидентификации.

Мы предполагаем, что в процессе построения личной этнической идентичности эмоциональная привязанность к личной идентичности частично зависит от того, родился ли индивид в принимающей стране или она стала местом проживания позже, возможно, даже во взрослом возрасте в результате переселения или иных событий. Миграция может предложить индивиду широкий выбор идентичности, что может привести к изменению идентичности, потере ее или созданию двойной идентичности. Еще одним определяющим фактором является посещение школы, в которой языком преподавания был родной язык, а также использование родного языка или языка принимающей страны в семейном обиходе. Последний фактор часто связан с составом семьи: является ли семья этнически гомогенной или смешанной; а также с принадлежностью супруга/супруги (если он/она есть) к принимающей или родной стране.

Прежде чем мы обратимся к рассмотрению того, насколько часто члены этнических меньшинств посещали школы, где занятия велись на их родном языке, мы должны пояснить, что данный индикатор указывает не только на роль языка в сохранении этнической идентичности. Исторический период, во время которого проходило обучение в школе, также важен: было ли доступно на тот момент обучение в школе на языке меньшинства в принимающей стране и существовали ли вообще школы и университеты, где преподавание велось на языке меньшинства.

За исключением словацко-венгерской диады, во всех диадах одна из частей находится в более выгодном положении. В то время как большинство русских в Литве изучали свой родной язык, всего лишь примерно треть литовцев, жи-

⁵ Важно отметить, что такие расхождения могут объясняться возрастной структурой выборке. Средний возраст по выборке словаков больше, а их родители вступали в брак раньше, когда границы часто менялись. Респонденты не могли точно вспомнить, родились ли их родители на родине или были членами национальных меньшинств, проживающих на территориях, присоединенных Венгрией.

Таблица 3

Изменения в количестве представителей, получивших образование на языке, родном для меньшинства, %

Диады	Посещение школ с родным языком	Перед ВМВ	До 20-го конгресса	Эпоха Брежнева	Горбачев и после	Итого
Русские в ЛИТВЕ	Не посещали	6,5	5,3	9,4	34,2	10,3
	Посещали	93,5	94,7	90,6	65,8	89,7
Литовцы в РОССИИ	Не посещали	16,4	54,0	75,1	76,8	64,0
	Посещали	83,6	46,0	24,9	23,2	36,0
Поляки в УКРАИНЕ	Не посещали	74,4	92,6	80,2	57,9	78,3
	Посещали	25,6	7,4	19,8	42,1	21,8
Украинцы в ПОЛЬШЕ	Не посещали	54,5	41,2	26,9	19,0	34,0
	Посещали	45,5	58,8	73,1	81,0	66,0
Белорусы в ПОЛЬШЕ	Не посещали	36,3	20,0	35,0	46,7	33,5
	Посещали	63,7	80,0	65,0	53,3	66,5
Поляки в БЕЛОРУСИ	Не посещали	80,5	98,6	95,0	89,7	91,0
	Посещали	19,5	1,4	5,0	10,3	9,0
Словаки в ВЕНГРИИ	Не посещали	39,0	15,2	22,4		29,1
	Посещали	61,0	84,8	77,6	100,0	70,9
Венгры в СЛОВАКИИ	Не посещали	13,4	19,6	22,1	28,6	20,3
	Посещали	86,6	80,4	77,9	71,4	79,7

вущих в России, учились — или могли учиться — в школе, где преподавание велось на литовском языке. У поляков не было широких возможностей учить польский в Украине, при этом большинство украинцев обучалось в непольской школе в Польше. Положение поляков в Белоруссии было не лучше при том, что 91% из группы посещал русскоязычные школы, в то время как большинство белорусов в Польше учили свой родной (русский) язык. Наличие возможности изучать и использовать родной язык характерно для обеих частей венгерско-словацкой диады.

Чтобы составить представление о воздействии изменений в образовательных возможностях с течением времени, нам необходимо рассмотреть живущие в разные периоды поколения, которые получали или имели возможность получать школьное образование на своем родном языке (табл. 3).

Расширение свобод по-разному подействовало на Советское государство. Русские все меньше хотели быть «русскими» в Литве, в то время как литовцы все больше выбирали литовские школы, если двигаться по временной оси от сталинского периода к распаду Советского Союза. В польско-украинской диа-

де обе этнические группы все чаще отдавали предпочтение образовательным возможностям на родном языке. Что касается белорусов в Польше, сложно определить их родной язык. Более 90% населения Белоруссии говорит на русском языке, а белорусский язык (который является прежде всего официальным языком) используется гораздо реже. Принимая это во внимание, колеблющаяся тенденция к получению образования на родном языке не является отражением изменения возможностей обучения на белорусском языке, но относится к русскому языку.

Лингвистическая толерантность может глубоко повлиять на отношения между национально-этническими меньшинствами и государствообразующим большинством. Национальная гомогенизация несет в себе возможность лингвистической гомогенизации, что может стать серьезным вызовом для членов группы, стремящихся сохранить использование родного языка. На этот вызов можно ответить, только выучив официальный государственный язык, т.е. язык большинства. В то же время одним из необходимых условий сохранения идентичности является знание и использование родного языка в повседневной жизни. В этом смысле белорусы и украинцы находятся в любопытной ситуации, поскольку большинство в их стране говорит на русском, поэтому среди них мало распространено знание родного языка. Большая часть оставшегося меньшинства (80%) говорит на родном языке. Большинство поляков (49% в Белоруссии и 30% на Украине) не говорит на родном языке, и четверть литовцев, живущих в России, не говорит на литовском. Все венгры и русские говорят на их родном языке, и всего лишь десятая часть словаков не говорит на словацком. (Стоит отметить, что интеграция возможна только через знание официального языка принимающей страны. Члены меньшинства учат официальный язык принимающей страны. Исключением являются русские и литовцы, больше 10% которых не говорит на официальном языке государства. Среди русских пожилые люди (средний возраст — 67 лет) смогли прожить всю жизнь, не говоря на литовском, и на момент опроса не знали этого языка).

Повседневное использование родного языка характерно для трети всех рассматриваемых меньшинств. Еще треть использует и родной язык, и государственный язык в домашних условиях, а оставшаяся треть пользуется дома только языком принимающей страны. Между рассматриваемыми меньшинствами существуют значительные отличия.

На рис. 1 показано, что русские и венгры говорят на родном языке дома, и только несколько процентов параллельно пользуются государственным языком. (Это явление также предвосхищает то, что важным фактором сохранения идентичности остается этнический состав семьи.) Польские и литовские семьи редко используют родной язык. Белорусы и украинцы используют два языка для общения дома, одним из которых является официальный язык принимающей

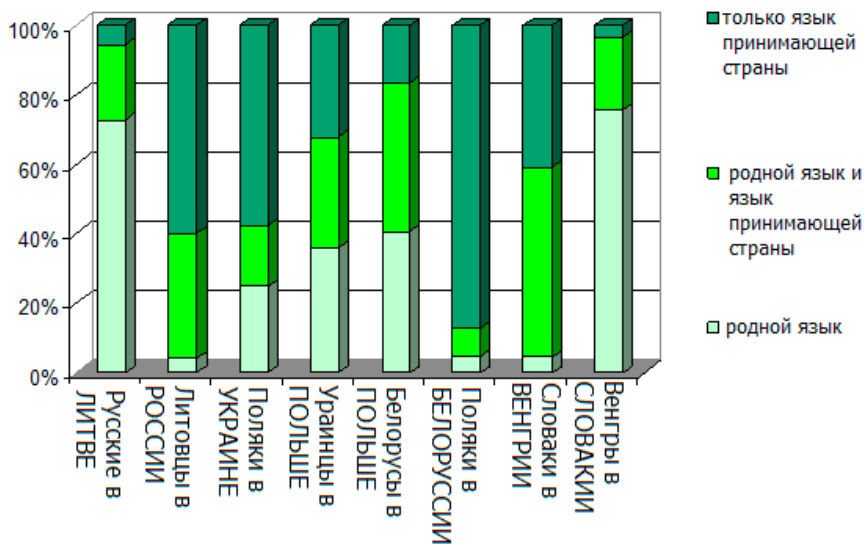

Рис. 1. Использование языков в семьях меньшинств, %

страны, вторым же становится не белорусский и не украинский, а русский⁶. Для словаков характерен билингвизм, но многие говорят на венгерском дома.

Использование языка в домашних условиях большей частью зависит от языковых знаний членов семьи. Мы можем сказать, что подавляющее большинство членов меньшинств говорит на языке принимающей страны, большинство также знает свой родной язык.

Использование родного языка при общении внутри семьи более распространено в семьях, где все члены знают язык, т.е. когда супруги принадлежат к одной этнической группе. Исследование этнических меньшинств показывает (Stevens, 1985), что этнически смешанные семьи используют для общения язык большинства, таким образом, смешанные браки являются предвестниками ассимиляции.

Немного более половины респондентов (56%) состоят в браке или в длительных отношениях. Поэтому этническое происхождение супруга / супруги является индикатором с ограниченным потенциалом с точки зрения исследования сохранения идентичности или ассимиляции.

Смешанные браки наиболее распространены среди литовской и словацкой групп, при этом они сравнительно редки среди белорусов и венгров. Выбор партнера из родной страны во многом, как и выбор школы, где преподавание ведется на родном языке, является не просто функцией личного выбора. Были времена, когда заключить брак с гражданином другой страны было сложно, и были времена, когда диаспора была все еще частью родной страны, следова-

⁶ См. обсуждение использования родного языка в данном разделе.

Таблица 4

Состав круга общения по меньшинствам, %

Элемент диады	Друзья				Итого
	Только принимающая страна	Смешанный	Только диаспора	Только родная страна	
Литва, русские	8,8	51,1	27,3	12,8	100,0
Россия, литовцы	29,0	65,7	2,7	2,7	100,0
Украина, поляки	23,1	46,8	28,8	1,3	100,0
Польша, украинцы	36,2	33,8	27,5	2,5	100,0
Польша, белорусы	16,1	25,9	56,7	1,3	100,0
Белоруссия, поляки	4,5	67,4	28,1		100,0
Венгрия, словаки	27,2	22,9	48,7	1,2	100,0
Словакия, венгры	4,1	40,7	50,0	5,2	100,0

тельно, выбор партнера из родной страны не представлял сложности. Сейчас некоторые границы не представляют значительной преграды (например, венгеро-словацкая граница), другие же сложно пересечь. Мы также можем отметить, что большинство белорусов (86%), венгров (83%), украинцев (65%) и русских (64%) состоят в гомогенных браках, это в меньшей степени проявляется у поляков в Белоруссии и Украине (61% и 51% соответственно).

«Готовность» этнического меньшинства ассимилироваться, т.е. степень того, насколько его члены пытаются сохранить свои отличия внутри родной страны, или, наоборот, насколько они пытаются смешаться с общественным большинством, хорошо иллюстрируется составом круга общения (Berry, 1997).

В табл. 4 горизонтальная организация столбцов представляет собой степень ассимиляции: наибольшая ассимиляция указана в левом столбце. В нем указано количество тех членов меньшинства, которые имеют друзей только из большинства принимающей страны, следом стоят этнически смешанные группы, следующая группа состоит из представителей с контактами исключительно внутри диаспоры, в последнем столбце указаны индивиды, у которых друзья исключительно из родной страны. Рассматриваемые меньшинства находятся на разных ступенях этого процесса, но во всех меньшинствах большинство — в большей или меньшей степени — выбирает друзей из самого меньшинства. Тем не менее от страны и рассматриваемого меньшинства сильно зависит, состоит ли круг общения исключительно из членов диаспоры (с несколькими друзьями из родной страны) или формируется из представителей принимающей страны. С этнической точки зрения самыми закрытыми меньшинствами являются белорусы, венгры и словаки, в которых 58%, 55% и 51% соответственно выбирают друзей исключительно из диаспоры или родной страны. Среди украинцев,

литовцев и словаков распространена дружба только с представителями принимающей страны (примерно 30%). Индивиды, которые строят сеть контактов, сочетая членов диаспоры и общественного большинства, следуют уравновешенному подходу. Это характерно для литовцев и поляков в Белоруссии. Этнически гетерогенные круги общения наиболее редки среди словаков и белорусов.

3. Когнитивные элементы идентичности диаспоры

В предыдущих разделах мы анализировали, как этническая принадлежность, национальное происхождение и история моментов личной жизни взаимосвязаны с различными формами персональной этнической идентичности. С другой стороны, за персональной (этнической) идентичностью скрывается когнитивно-аффективная система знаний, построенная на элементах, которые опираются друг на друга и тесно взаимосвязаны. Первый уровень — это спонтанная эмоциональная идентификация, создающая для человека ощущение близости с определенной диаспорой, нацией своего происхождения или этнической группой «принимающей» страны, в соответствии с определением ее членов. Именно благодаря этому эмоциональному базису приобретаются различные точки зрения, побуждения, ценности и идеология, и организуется национальная идентичность.

Второй уровень — спонтанная национальная или этническая принадлежность как неосознаваемая идентичность считается само собой разумеющейся и естественной, возникающей из сложившейся национальной или этнической идентичности, которая представляет и воспроизводит все идеологические элементы или их часть. В нашем анализе мы постарались охватить оба эти типа, насколько это было возможно в рамках нашего проекта. Спонтанный эмоциональный компонент измерялся силой национальной и этнической принадлежности, а когнитивное измерение было реконструировано из таких факторов, как чувство гордости и чувство дискриминации.

Когда мы пытаемся ответить на, казалось бы, простой вопрос, в какой степени респонденты ощущают свою близость к их родине, «принимающей» стране и диаспоре, нужно помнить о том, что в тех сообществах, для которых характерно экстравертивное поведение, «близость» означает совершенно не то же самое, что в группах, в которых нормой считается сдержанность и менее явное проявления эмоций. Потому, когда мы решили выяснить, какие этнические меньшинства наиболее тесно связаны со своей родиной, «диаспорой или «принимающей» страной, мы принимали во внимание и этот фактор, который отразится в данных⁷. Табл. 5 отражает чувство близости без учета искажений, вызван-

⁷ В этом случае спонтанной эмоциональной привязанности мы сравниваем среднее «чувство близости» с данными точками связи. Отрицательные значения в табл. 5 указывают на то, что чувство близости было ниже среднего показателя по данной этнической группе, а положительные значения свидетельствуют о большей близости, нежели среднее значение.

Таблица 5

Ощущение относительной близости согласно национальным меньшинствам,
среднее значение

Диады	Родина	Диаспора	Место жительства	«Принимающая» страна	Восточно-Центральная Европа	Европа
Русские в ЛИТВЕ	-,2366	,4512	,5358	,5211	-,7070	-,5887
Литовцы в РОССИИ	-,0497	,1276	,3352	,2467	-,3931	-,3342
Поляки в Украине	-,6177	,2516	,6061	,4187	-,4072	-,2954
Украинцы в ПОЛЬШЕ	-,0189	,1620	,2773	,2738	-,3792	-,3162
Белорусы в ПОЛЬШЕ	,1813	,1694	,4525	,1731	-,5456	-,5889
Поляки в БЕЛОРУССИИ	-,8505	,2750	,5957	,5583	-,5137	-,0865
Словаки в ВЕНГРИИ	-,2620	,2705	,5313	,5683	-,6924	-,6725
Венгры в СЛОВАКИИ	-,0638	,4416	,3172	,0706	-,5736	-,2702

Примечание. В таблице приведены средние значения близости для данной этнической группы и различия в отдаленности от +1 до -1. Чем выше значение, тем сильнее привязанность.

ных такими культурными различиями. В общем для большинства этнических меньшинств справедливо отметить, что они не чувствуют связи с Восточной и Центральной Европой, и Европа для них весьма отдаленное понятие. Родина также отдаленна для всех, за исключением групп Литвы, Украины и Венгрии. Другим возможным источником сохранения этнической идентичности является связь с диаспорой для этнического меньшинства. Это чувство близости прослеживается во всех группах, в большей степени среди русских и венгров, в меньшей — среди литовцев, украинцев и белорусов. Местожительства, микроклимат которого может снизить напряженность, свойственную для любого меньшинства, является самым сильным связующим звеном для поляков, живи они в Украине или Белоруссии. Включенность в общество большинства и связь с «принимающей» страной наиболее характерна для словаков, поляков в Белоруссии и России. Различная степень силы этих связей в определенном смысле формирует профиль данных этнических групп. Члены этих диад часто дают диаметрально противоположные суждения о своей включенности.

Русские, живущие в Литве, почти одинаково чувствуют близость с Литвой, местом жительства и собственной группой меньшинства. Они едва ли чувствуют себя связанными с родиной или Европой, да и Восточно-Центральную Европу не назовешь фактором их идентичности. Это свидетельствует о включенности в страну пребывания с оттенком сильной связи с собственной этнической группой и сегрегационными взглядами.

Литовцы, живущие в России, в первую очередь привязаны к месту жительства. Родина, страна пребывания и собственная группа меньшинства играют важную, но не главенствующую роль. Им не характерна и европейская идентичность. Литовцы оказались менее привязаны к стране пребывания, чем вторая группа этой диады.

Украинцы, живущие в Польше, и их партнеры по диаде, поляки, живущие в Украине, имеют схожие привязанности. Им не свойственна европейская идентичность, они слабо связаны с родиной, думают только о месте жительства, стране пребывания и собственной этнической группе, хотя, как показано в табл. 2, существуют различия в мере этой близости.

В польско-белорусской диаде присутствуют как сходства, так и различия. Обе группы отличаются сильной связью с местом жительства и страной пребывания, а также ощущают общность со своими этническими группами. Однако их различает степень привязанности к родине. Хотя ни одна из групп не демонстрирует тесной связи с родиной, поляки в Белоруссии чувствуют себя более связанными с родиной, чем белорусы, которые из всех связей дальше всего отошли от Белоруссии.

В случае Польши у нас есть возможность сравнить две группы меньшинств, проживающих в стране. Белорусы чувствуют большую связь с Польшей, чем украинцы, и менее привязаны к родине, чем украинцы к своему отечеству. Анализируя ответы поляков, можно сделать вывод, что поляки в Белоруссии чувствуют себя более интегрированными в сообщество, в то время как поляки в Украине дистанцируются от «принимающей» страны. Соответственно для поляков в Украине родина ближе, чем для поляков в Белоруссии. Чувства близости и отдаленности оказывают влияние на жизнь групп меньшинств в этих трех странах.

И, наконец, рассмотрев венгеро-словацкую диаду, мы обнаружили, что они являются противоположностями друг друга в определенном аспекте. Венгры чувствуют себя ближе к собственным этническим группам и привязаны к месту жительства, но не ощущают близости к Венгрии или Словакии. Эта «бездомность» не ослабляется и европейской идентификацией в связи с тем, что привязанность к Восточной и Центральной Европе и Европе тоже мала. Словаки же в Венгрии тесно связаны со страной пребывания (Венгрией), на эту интеграцию указывает важность места жительства в их группе. Словакию они не воспринимают ориентиром своей идентичности, так же, как и Восточно-Центральную Европу. С другой стороны, они чувствуют себя ближе к Европе, чем их партнеры по паре, венгры в Словакии. Таким образом, в данной диаде наметилась одна группа, которая привязана к стране пребывания и интегрирована в нее, в то время как вторая группа кажется «бездомной».

Национальная гордость — стабильная эмоциональная основа этнической и национальной идентификации, которая побуждает респондентов переоцени-

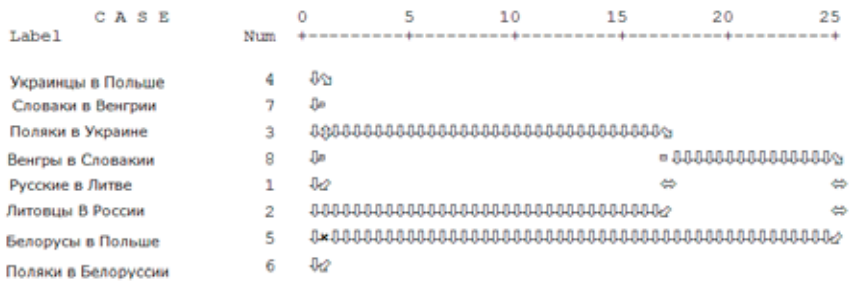

Рис. 2. Типы связей между этническим происхождением родителей и персональной этнической идентичностью

вать, преувеличивать позитивные элементы своей идентичности (Doob, 1964; Smith, Kim, 2006). По нашим данным, эта тенденция в общем актуальна, однако ввиду исторических и культурных особенностей отрицание негативных эмоциональных элементов различно в разных диадах.

В общей картине большую гордость испытывают за диаспору, затем за родину (отечество) и в последнюю очередь за «принимающую» страну. Степень гордости за родную страну не различается в разных парах. Исключение составляет диада словаки — венгры, в которой словаки гордятся своим отечеством куда меньше, чем венгры Венгрией. А степень гордости за «принимающую» страну значительно различается внутри диад. Литовцы куда больше гордятся Россией, нежели русские Литвой, как своей принимающей страной. Белорусы в Польше тоже больше склонны гордиться своей «принимающей» страной, чем поляки Белоруссией. И, наконец, гордость словаков Венгрией больше, чем венгров за Словакию. Диаспора как социальная группа обычно вызывает большую гордость в меньшинствах. Исключение составляют русские в Литве и литовцы в России, где уровень гордости гораздо ниже (табл. 6).

В своем анализе мы продемонстрируем, как элементы структуры персональной этнической идентичности, показанные на рис. 2, надстраиваются друг на друга в данных диадах или группах меньшинства. Мы попробуем провести параллели и различия внутри диад и между этническими группами. Мы выбрали иерархический метод кластерного анализа, в котором сравниваются степени⁸ характерных отношений в данных группах меньшинства.

Родители едва ли влияют на всеобъемлющую идентичность национального меньшинства в большинстве групп меньшинств, которые, таким образом, объединяются в первый тип. Сюда входят украинцы, словаки, венгры, русские и поляки в Украине. Второй тип состоит из двух меньшинств польско-белорусской диады.

⁸ Коэффициенты (бета), полученные из модели регрессии данной группы, определяют переменные кластера. В модели регрессии зависимая модель — это этническая идентичность, а независимая переменная — этническое происхождение.

Таблица 6

Чувство гордости, степень по 4-балльной шкале, среднее значение

Диады	Гордость за отечество	Гордость за «принимающую» страну	Гордость за диаспору
Русские в ЛИТВЕ	3,23	2,23	2,98
Литовцы в РОССИИ	3,01	2,98	2,92
Поляки в Украине	3,57	3,08	3,38
Украинцы в ПОЛЬШЕ	3,49	3,16	3,38
Белорусы в ПОЛЬШЕ	3,34	3,13	3,46
Поляки в БЕЛОРУССИИ	3,29	2,87	3,41
Словаки в ВЕНГРИИ	2,64	3,14	3,17
Венгры в СЛОВАКИИ	3,26	2,48	3,37

Этот тип характеризуется тем, что этническая идентичность родителей играет, хоть и незначительную, роль в определении персональной этнической идентичности. Третью группу составляют литовцы. В их среде паттерн родителей начинает играть необыкновенно важную роль в принятии этнической идентичности.

Типология четко иллюстрирует различия в том, как данная «принимающая» страна относилась к своим национальным меньшинствам одно или два поколения назад.

Русские, словаки и венгры относятся к типу, в котором характер сохранения идентичности на протяжении жизненного пути мало влияет на принятую этническую идентичность. Второй тип составляют поляки, живущие как в Белоруссии, так и в Украине. Для них жизненный путь имеет колоссальное влияние на персональную идентичность. Это означает, что для двух данных меньшинств мы имеем «свежую», новоявленную этническую идентичность, которая сознательно не идет «проторенной» дорогой, но которая пробудилась ввиду исторических изменений и новообретенной независимости родных стран, которая создала условия для возникновения этнической идентичности. Белорусское национальное меньшинство тесно связано с этим типом (очень на него похоже), с тем только отличием, что на протяжении жизненного пути у него мало возможностей не давать спать своей этнической идентичности (у них нет своего родного языка, они говорят на «заимствованном», а именно русском, языке, что не способствует в данном случае большему принятию языка той страны, в которой они живут, т.е. Польши. Несмотря на все это, мы полагаем, что становимся свидетелями своего рода возрождения этнической идентичности в этом случае⁹.

⁹ Жизненный путь и персональная этническая идентичность связаны отрицательным коэффициентом бета, что демонстрирует, что их персональная этническая идентичность не обусловлена жизненным путем.

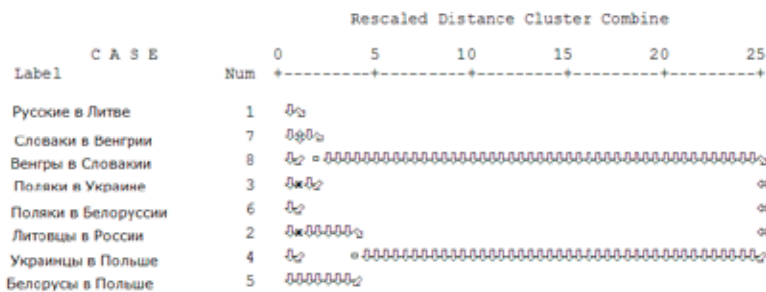

Рис. 3. Типы отношений между моментами в жизни и этнической идентичности

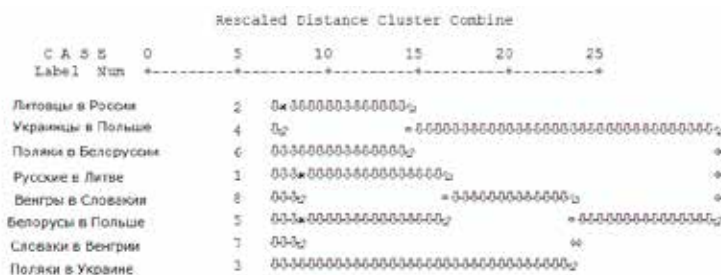

Рис. 4. Типы отношений между эмоциями и этнической идентичностью

Отношения между моментами жизненного пути и идентичностью указывают — с небольшими расхождениями — на пробуждение некоего этнического самосознания благодаря демократическим политическим процессам, которые в разной степени происходят в «принимающих» странах. Эти процессы подчеркнули важность прав человека и открыли пространство, в котором этнические различия могут быть вновь раскрыты.

На рис. 3 видно, что общность с родной страной и диаспорой, гордость и принадлежность к группе меньшинства — это факторы, которые могут возникнуть без влияния родителей. Этапы жизненного пути могут усилить эмоции, которые в свою очередь усиливают этническую идентичность (рис. 4). Связь между эмоциями и идентичностью, однако, не является однозначной. Фактически выделяются четыре характерных типа. Первый представлен литовцами и украинцами. Их этническая идентичность поддерживается сильной эмоциональной основой. Схожи с этим типом поляки в Белоруссии, но в их случае роль эмоций в идентичности меньше. Второй тип — это русские и венгры, у которых эмоциональные связи лишь незначительно влияют на их идентичность. Что еще более странно, так это то, что пример родителей и моменты жизненного пути также не имеют принципиального значения для принимаемой идентичности. В их случае, как мы стали полагать из ответов в рамках исследования национальных

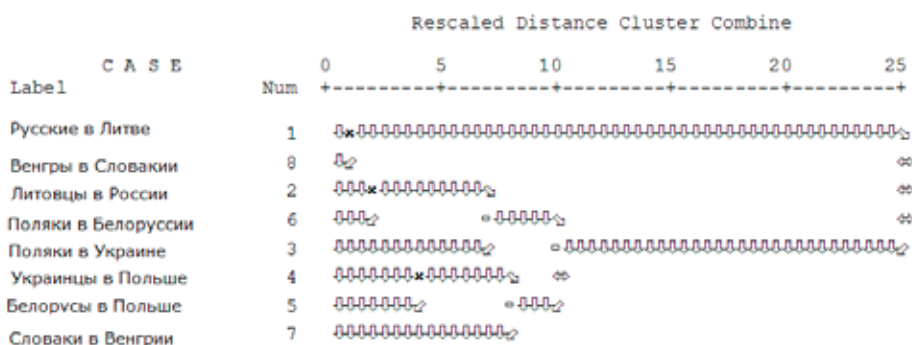

Рис. 5. Типы связей между элементами структуры этнической идентичности и идентичности

меньшинств, если идентичность уже закрепилась в этом меньшинстве, то ее сохранение и осознание не требуют особой подпитки.

Выделяется и третий вид взаимосвязи эмоций и идентичности, к которому относятся белорусы и словаки. Для них эмоциональный аспект играет определенную роль в персональной идентичности (хотя она и менее важна, чем в первом типе). Несмотря на схожесть между этими двумя группами, модель родителей и этапы в жизни оказывают совершенно различное влияние на идентичность обеих групп.

Данные наблюдения предзнаменуют тот факт, что строительные элементы этнической идентичности организованы совершенно различно, если мы рассматриваем модель в целом. Возвращаясь к типам связей между эмоциями и идентичностью, мы видим исключительную «группу», а именно поляки Украины. Для них эмотивный аспект существования в меньшинстве почти никак не сказывается на идентичности. Однако поляки в Украине — в отличие от венгров и русских — во время обсуждения своей идентичности часто ссылаются на этапы жизненного пути.

Наконец, мы построим модель, показывающую, какие группы меньшинства схожи между собой с точки зрения этнической идентичности, характеризующей группу и паттерн родителей, а также объективные и аффективные моменты жизненного пути (рис. 5). Мы используем метод кластерного анализа. Группы меньшинств одного типа имеют схожие этническую идентичность, паттерны родителей, черты жизненного пути и эмоциональное отождествление с членами собственной группы.

Важно отметить это еще раз, так как две группы меньшинств, которые схожи между собой, это русские и венгры. На первый взгляд это сходство трудно объяснить. С чего бы нам сравнивать русских в Литве и венгров в Словакии? Однако, если мы будем все время помнить о том, что наши утверждения ос-

нованы на данных анкеты, в которой воспоминания и рассуждения респондентов формируют картину страны, в которой они родились, и имеют в виду ретроспективную информацию о моментах жизненного пути, несомненно, мы найдем объяснение этой невероятной схожести. И русские, и венгры еще хранят историческую память о том времени, когда их этническая группа, или большая ее доля, была частью экономической, политической и, вероятно, даже культурной элиты. Думая о населении тех стран, которые их сейчас «принимают», они склонны чувствовать свое превосходство над ним. Период их благоприятного положения прошел, может даже, ситуация стала противоположной. Несмотря на то что исторические процессы были более сложными и запутанными, чем представлено в нашем кратком описании, эмоции, вызванные этим суждением о ситуации, весьма схожи. Именно эти эмоции и придают одинаковый оттенок всем эмоциональным связям со страной происхождения, жизненными путями и принадлежностью к определенной этнической группе. Эта схожесть исторического «пути» объясняет сходство русских и венгерских национальных меньшинств.

Второй тип включает литовцев в России и поляков в Украине и Белоруссии. Как национальные меньшинства они живут в странах, некогда бывших советскими республиками, и в этом смысле их опыт как меньшинства одинаков. Распад Советского Союза не привел к значительному расхождению в их социально-политической среде, как государствах-преемниках. Предшествующая однородность «принимающих» стран и их сходства в последующем периоде создали условия, при которых затронутые этнические меньшинства шли параллельными дорогами.

Третий тип состоит из двух групп, живущих в Польше, — украинцев и белорусов. Возможно, что пути, приведшие их как меньшинство в Польшу, различаются, но не будет преувеличением сказать, что единообразная политика «принимающей» страны в отношении национальных меньшинств привела к сходству в развитии этнической идентичности этих двух групп.

Четвертую группу составляют словаки в Венгрии. Их судьба разительно отличается от всех остальных меньшинств. Большинство из них обосновалось в Венгрии в XVII в., они живут в этой стране уже многие поколения. Уровень их ассимиляции несравнимо выше, чем у любой другой диаспоры, которую мы рассматривали. Ввиду этой уникальности они занимают особое место в нашей типологии.

Выводы

При описании различных типов этнической идентичности диаспор мы продемонстрировали различия и сходства между разными ситуациями, когда они создавали собственную этническую идентичность. Мы увидели, что для этнических групп, принадлежащих данным диадам, значимость их происхож-

дения для сохранения этнической идентичности различна. Как и ожидалось, в большинстве случаев диаспора в стране пребывания является основой для идентичности, люди прибегают к своей родословной, чтобы резко отделяться от большинства. Однако неоднократно наблюдалась и другая ситуация. В этом случае параллельно с принадлежностью к обществу большинства отмечалось присутствие другой линии наследия (национальности этнической страны происхождения). Мы выявили несколько диад, в которых этническую идентичность респондентов определяли этнически однородное происхождение и модель сохранения идентичности, принятая в семье. Однако мы также выявили некоторые случаи, где между этническими группами диады проявлялись значительные различия в этом отношении. В последнем случае различия были в первую очередь обусловлены особыми политическими и историческими обстоятельствами.

В сохранении идентичности важную роль играют как социологические, так и когнитивные факторы. Среди них стоит отметить роль несмешанных браков, важность использования родного языка в повседневной жизни, этническую однородность личных связей. С другой стороны, результаты нашего исследования показали, что помимо определяющих факторов жизненного пути в сохранении идентичности важную роль играют различные когнитивные и аффективные механизмы (такие, как спонтанная эмоциональная идентификация, отсутствие социальной разобщенности, чувство этнической гордости, социальное доверие).

С точки зрения социальной интеграции и культурной инклюзии, стоит подчеркнуть роль смешанных браков, этнической неоднородности личных связей, открытые и инклюзивные тенденции в социальных отношениях, важность языковой терпимости большинством, которое считается государство образующей нацией.

Мы также показали, что унифицированная политика «принимающей» страны в отношении национальных меньшинств стирает различия между диаспорами. Главной сложностью политики меньшинства является выбор — ассимилироваться или сохранять свою идентичность. Природа взаимосвязи между этническими группами в ситуации меньшинства и общества большинства влияет на попытки групп меньшинств ассимилироваться. Меньшинство может выбрать — либо влиться в общество большинства, либо постараться поддерживать свою идентичность. Большинство респондентов утверждают, что сохранение идентичности — это стратегический выбор. (В среднем 60% респондентов в группах отметили важность поддержания своей идентичности.) Около четверти респондентов выбрали цель найти баланс между ассимиляцией в общество большинства и сохранения своей этнической идентичности. И лишь четверть выступает за полное отстранение от большинства и максимальное сохранение своей этнической идентичности. Естественно, среди различных групп меньшинств были расхождения. Желание сохранить свою идентич-

ность особенно ярко выражено у венгров в Словакии и поляков в Украине и Белоруссии. Литовцы в России определенно поддерживают ассимиляцию. Остальные группы меньшинств выбирают некую среднюю позицию, но поддержание этнической идентичности было для них важным и возможным направлением, даже если они не отрицают необходимость приспособливаться к обществу большинства.

Библиографический список

1. Berry, J. W. (1997). Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology*, 46 (1), 5–34.
2. Brubaker, R., Loveman, M. & Stamatov, P. (2004). Ethnicity as cognition. *Theory and Society*, 33, 31–64.
3. Brubaker, R. & Cooper, F. (2000). Beyond "Identity". *Theory and Society*, 29 (1), 1–47.
4. Csepeli, Gy. (2000). *National Identity in Contemporary Hungary*. New York: Columbia University Press.
5. Csepeli, Gy., Örkény, A. & Székelyi, M. (2000). *Grappling with National Identity. How Nations See Each Other in Central Europe*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
6. Csepeli, Gy. & Simon, D. (2004). Construction of the Roma Identity in Eastern and Central Europe: Perception and Self-identification. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 30 (1), 129–150.
7. Dekker, H., Malová, D. & Hoogendoorn, S. (2003). Nationalism and Its Explanations. *Political Psychology*, 24 (2), 345–376.
8. Doob, Leonard W. (1964). *Patriotism and Nationalism: Their Psychological Foundations*. New Haven: Yale University Press.
9. Eriksen, T. H., 1992. Linguistic Hegemony and Minority Resistance. *Journal of Peace Research*, 29 (3), 313–332.
10. Gerő, A. (2006). *Imagined History: Chapters from Nineteenth and Twentieth Century Hungarian Symbolic Politics*. Wayne: Center for Hungarian Studies and Publications.
11. Glazer, N. (1983). *Ethnic Dilemmas 1964–1982*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
12. Hagendoorn, L., Csepeli, Gy., Dekker, H. & Farnen, R. F., eds. (2000). *European Nations and Nationalism; Theoretical and Historical Perspectives*. Aldershot: Ashgate.
13. Ladányi, J. & Szélényi, I. (2002). The Nature and Social Determinants of Roma Poverty — a Cross-National Comparison. Paper prepared for the special issue of the Hungarian. *Sociological review*, 2, 79–96.
14. Örkény, A. (2006). Hungarian National Identity: Old and New Challenges. *International Journal of Sociology*, 35 (4), 28–48.
15. Örkény, A. & Székelyi, M. (2009). Role of Trust in the Social Integration of Immigrants. *Demográfia. English Edition*, 52 (5), 124–147.
16. Sanders, J. M. (2002). Ethnic Boundaries and Identity in Plural Societies", *Annual Review of Sociology*, 28, 327–357.
17. Smith, A. D. (1991). *National Identity*. Harmondsworth: Penguin.

18. Smith, T. W. & Kim, S. (2006). National Pride in Cross-national and Temporal Perspective. *International Journal of Public Opinion Research*, 18, 127–136.
19. Stevens, G. (1985). Nativity, Intermarriage, and Mother-Tongue Shift. *American Sociological Review*, 50 (1), 74–83.

Статья поступила в редакцию 17.10.2015.

.....

CONSTRUCTING BORDER ETHNIC IDENTITIES ALONG THE FRONTIER OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE

Örkény A., Székelyi M.

Örkény Antal, Eötvös Loránd University of Budapest, Hungary, H-1117 Budapest, Pázmány Péter sétány 1/A. E-mail: orkeny@tatk.elte.hu.

Székelyi Mária, Eötvös Loránd University of Budapest, Hungary, H-1117 Budapest, Pázmány Péter sétány 1/A. E-mail: szekelyi@tatk.elte.hu.

The analysis is based on an empirical sociological study aimed at exploring the various aspects of people's diaspora affiliations and their ethnic and national identity on the Eastern borderland of Europe. We survey ethnic minority groups in eight countries along the frontier of CEE. With similar ethnic status along the border we demonstrated how ethnic minorities «deal» with their minority status in their «host» country if their home country serves as a place of residence. The analysis reconstructs the image of the ethnic minority at the societal level. We model personal and collective ethnic identities as a stock of knowledge based on cognitive and affective components, and test them along the different ethnic dyads. We will analyze how successive generations are able to transfer the pattern of ethnic identity within the family, and also, how language use practices and personal network plays a role in preserving personal ethnic identity.

Key words: ethnic identity, borderland, diaspora, Eastern Europe, ethnic dyad, national consciousness.